

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЕЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 20–30-х ГОДАХ XX ВЕКА

В первые десятилетия советской власти коренные изменения социального института семьи происходили как в западных областях страны, так и на восточной окраине с одной лишь существенной разницей, что на востоке они осуществлялись пятью годами позже ввиду затянувшейся гражданской войны. Отставание в процессах преобразования семьи компенсировалось за счет их ускоренных темпов.

В дальневосточном регионе, как и в центре России, повторились негативные последствия государственной политики по отношению к семье. Обобществление народного хозяйства, в том числе коммунально-бытовой сферы, вовлечение в общественное производство мужчин и большинства женщин лишили семейное производство основных работников и разрушили его. «Выдергивание» дальневосточниц из домашнего хозяйства по темпам значительно опережало развитие сферы общественного питания, общественного содержания и воспитания детей, поэтому женщины продолжали выполнять свою обычную домашнюю работу после обязательного рабочего дня на государственных предприятиях. Мужчины не могли обеспечить содержание семей. Отмена частной собственности и наследования, отделение «кухни» и домашнего труда от семьи, уничтожение религии как основы ее духовного мира ассоциировались у населения с борьбой против косности и патриархальности, против «домостроевских» порядков. В конечном итоге борьба с «буржуазной» семьей выливалась в борьбу против традиционного института семьи. Кроме общего в процессах развития семьи на западе и востоке, существовали и различия. В 1926 году в Советской России на 1000 женщин в возрасте 25–29 лет приходилось 839 мужчин, то есть создалась большая демографическая диспропорция, лишившая значительную часть женщин возможности иметь семью. На Дальнем Востоке в этом же году на 1000 мужчин приходилось 870 женщин, то есть та же проблема касалась мужчин [5, с. 37].

По данным Всесоюзной переписи населения (1926 г.), семейное состояние проживающих на восточной окраине характеризовалось следующими показателями: среди мужчин не состояли в браке 35,3%, состояли в браке — 59,4%, вдовы — 4,8%, разведенные — 0,5%; среди женщин соответственно 19,3%, 68,3%, 11,7%, 0,7% [5, с. 37].

Первый семейный кодекс России 1918 года, именуемый «Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском праве», стал действовать на территории Дальнего Востока с декабря 1922 года. В нем содержалась идеология новых семейных отношений, построенных на принципе равенства мужчины и женщины. Идея равноправия отражена в ст. 133, гласившей, что «основой семьи признается действительное происхождение. Никакого различия между родством внебрачным и брачным не устанавливается» [21, с. 324].

Семейный кодекс упростил процедуру разводов. Их свобода напрямую связывалась с угнетенным положением женщины, для которой развод являлся спасением от семейных уз, если они были невыносимыми по различным причинам. В 1924–1927 годах на 1000 дальневосточников соответственно приходилось браков 10,2; 9,8; 9,0; 8,2, разводов — 1,2; 1,8; 1,6; 2,5 [5, с. 37]. Сокращение браков и увеличение разводов показывало наличие общей тенденции ослабления семьи.

В семейном кодексе 1918 года нашло отражение мнение части идеологов социализма о том, что воспитанием детей должно заниматься общество, а не семья, которой они предсказывали скорую утрату своего воспитательного значения и постепенное отмирание как ячейки общества. На этом основании в ст. 183 запрещалось усыновление [21, с. 330]. Многочисленная армия беспризорных детей, по мнению властей, должна воспитываться в специальных детских учреждениях, где им прививалось бы соответствующее идеологическое мировоззрение.

В середине 20-х годов назрела необходимость в принятии нового семейного кодекса, который был введен в действие с 1 января 1927 года с целью «урегулирования правовых отношений, возникающих из брака, семьи и опеки на основе нового революционного быта, для обеспечения интересов матери и особенно детей в уравнивании супругов в имущественном отношении и в отношении воспитания детей» [22, с. 630].

Согласно положениям «Кодекса законов о браке, семье и опеке» был повышен брачный возраст женщин до 18 лет; сокращен до 1 года срок алиментирования нетрудоспособного и нуждающегося супруга после развода. Еще более упрощенной стала процедура развода ввиду того, что был отменен его судебный порядок и сохранился только регистрационный через загс.

Внесло изменения в действующее законодательство постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 марта 1926 года, в котором принятые поправки разрешали усыновление и регулировали порядок его производства, разъясняли правовые последствия усыновления [25, с. 101]. Изменение политики властных органов по отношению к институту усыновления было обусловлено тем, что государству не удавалось решить проблему беспризорных детей. Не хватало средств на строительство детских домов. Например, с 1923 по 1926 год их количество на Дальнем Востоке увеличилось с 3 (140 детей) до 14 (851 ребенок), но и это увеличение не оказало существенного влияния на общую негативную ситуацию [16, л. 181]. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 года и 1 апреля 1936 года узаконили передачу детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся [26, с. 462].

Таким образом, анализируя процедурную сторону семейно-брачных отношений, можно заметить, что получила развитие политика государства по ее упрощению, что отрицательно повлияло на устойчивость семьи.

Законодательные акты в области семейного права, принятые в 30-х годах, были проникнуты заботой об обеспечении воспитания ребенка в семье. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» предусматривалась уголовная ответственность опекунов за использование детей в корыстных целях, административная ответственность родителей — за хулиганство детей, имущественная ответственность — за вред, причиненный несовершеннолетним ребенком [18, с. 252]. В дальнейшем органы власти продолжали уделять значительное внимание контролю со стороны родителей за поведением детей. Например, 11 июня 1940 года вышел приказ НКЮ СССР и Прокуратуры СССР № 67/110, согласно которому родители привлекались к уголовной ответственности «в особо злостных случаях оставления детей без надзора» [10, с. 98–99].

Таким образом, семейное законодательство постепенно изменялось в сторону ужесточения наказания за нарушение семейных обязанностей в области содержания, воспитания и контроля за детьми со стороны родителей.

Подобная тенденция к ужесточению наказания наблюдалась и в области прав женщин на аборт. В Российской империи он был запрещен, в Советской России — разрешен постановлением Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 18 ноября 1920 года [24, с. 741]. В постановлении говорилось: «Советская власть разрешила производство аборт, пока моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия первых лет революции еще вынуждали часть женщин на эту операцию». В середине 20-х годов аборты среди дальневосточниц так же, как среди женщин других областей, приняли характер социального бедствия, которое негативно отразилось на воспроизводстве населения.

В результате 27 июня 1936 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатежи алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе» [19, с. 309]. В постановлении отмечалось, что запрет на проведение абортов должен способствовать успешному выполнению женщиной «большой и ответственной обязанности рождения и воспитания граждан».

Аборт мог производиться только в случае возникновения угрозы для жизни и здоровья матери, при наличии наследственных тяжелых заболеваний (ст. 1). Для врачей, производивших эти операции с нарушением принятого закона, предусматривалось наказание от года до 2 лет тюремного заключения. Виновные женщины в первый раз подвергались общественному порицанию, во второй раз — штрафу до 300 руб. (ст. 4). Постановление предусматривало: предел выплат по алиментам в размере 50% от заработной платы плательщика (ст. 29); повышенные размеры пособий при рождении ребенка и на его кормление; тюремное заключение на срок до 2 лет за уклонение от платежей средств, присужденных судом на содержание детей.

Необходимо отметить, что перед принятием этого постановления его основные положения широко обсуждались в трудовых коллективах, в том числе и на Дальнем Востоке. Например, такие собрания прошли в городе Ворошилове (Авторемзавод, педагогический техникум), в Ворошиловском районе, в Приамурской области (Автогужтрест), во Владивостокском горсовете [14, л. 8–11]. Трудящиеся вносили предложения об ужесточении мер ответственности алиментщиков, штрафования инициаторов разводов, увеличении государственной помощи матерям и т. д.

Таким образом, выход в свет постановления от 27 июня 1936 года ознаменовал собой резкий поворот властей в сторону укрепления института семьи, что было с удовлетворением встречено широкой общественностью. Принятие этого законодательного акта обусловлено необходимостью «борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям» [19, с. 309]. Государство, мотивируя свои действия заботой о семье, в очередной раз вторглось во внутрисемейные отношения, лишив женщину права выбора рожать или не рожать.

Тенденция укрепления семьи нашла отражение в последующих постановлениях, которые усилили ответственность лиц, отказавшихся от признания своего отцовства и уклонявшихся от уплаты алиментов. Так, в 1930 году вышло в свет постановление Наркомтруда СССР № 337 «О внесении отметок о задолженности работника в документы, выдаваемые при увольнении» [7, с. 662], которое предусматривало обязательное выставление отметки в документах граждан о наличии у них алиментных платежей. В циркулярах Наркомтруда РСФСР от 4 июня 1932 года № 21 [28, с. 250] и НКЮ СССР от 28 августа 1936 года № 3 [8, с. 124] предусматривались специальные меры по взысканию алиментов и пресечению уклонения от них.

20 июля 1933 года вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР, которое предписывало отделам записи актов гражданского состояния производить запись об отцовстве независимо от возражений указанного в заявлении лица, с сохранением за последним права оспаривать отцовство по суду [29, с. 159]. О необходимости усиления уголовной ответственности лиц, допустивших халатные действия при взыскании алиментов, говорилось в постановлении 58-го Пленума Верховного суда СССР от 19–23 сентября 1937 года [23, с. 41].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что государственные органы власти осуществляли защиту интересов женщины-матери и ее детей в случае распада семьи.

Деятельность властных структур не ограничивалась преследованием алиментщиков.

Новым направлением в работе с семьей стала финансовая помощь многодетным матерям, которая широко рекламировалась в печати. Например, в газете

«Дальневосточный колхозник» от 16 июня 1938 года была опубликована статья «Государство заботится о матерях», в которой говорилось о помощи Л. Медушевой (7 детей), получившей в качестве пособия на детей 2000 руб.

Законодательная основа помощи была заложена в постановление ЦИК и СНК СССР «О порядке выдачи пособий многодетным матерям» от 14 ноября 1936 года [20 с. 448].

Таким образом, характеризуя основные направления семейной политики властных структур на Дальнем Востоке, следует отметить, что в ней прослеживается курс на разрушение старого патриархального семейного быта, создание новой подконтрольной государству семьи и улучшение условий ее обслуживания.

Особое внимание органы власти уделяли организации охраны материнства и младенчества. С этой целью 1 февраля 1923 года при Дальздраве был создан соответствующий отдел, по инициативе которого открылись два Дома матери и ребенка (в Чите и Владивостоке). Во всех крупных городах при амбулаториях действовали консультации для матерей по уходу и вскармливанию грудных детей. Сотрудники консультаций снабжали матерей детским питанием (часто бесплатно), прививали женщинам санитарно-гигиенические навыки по уходу за детьми.

Пропаганде идей охраны материнства и младенчества посвящались массовые мероприятия. Например, в 1925 году с 1 по 8 марта на территории региона под лозунгом «Лицом к деревне» была проведена кампания «Охрана материнства и младенчества», которая способствовала сбору денег для финансирования санитарно-просветительской работы и организации новых детских учреждений [16, л. 175].

В дело охраны материнства и младенчества власти постоянно вовлекали общественность. Например, в конце 1926 года в регионе насчитывалось 17 комиссий, созданных при райисполкомах и сельсоветах, которые работали на постоянной основе [12, с. 71]. В их состав входили представители от райисполкомов, общественных организаций, делегатки от крестьян, женорганизаторы, врачи и акушерки. Комиссии занимались организацией санитарно-просветительской работы, расширением сети женских и детских консультаций.

Общественность принимала участие в решении вопросов о создании детских дошкольных учреждений. Если в 1924 году все ясли были открыты по инициативе работников здравоохранения, то в 1927 году эти учреждения создавались также по инициативе крестьянок и делегаток, сельских ячеек ВКП(б) и райисполкомов. В резолюции краевого совещания по охране материнства и младенчества, состоявшегося в 1928 году в Хабаровске, отмечалось, что проводимая работа олицетворяет «культурную революцию в семье работниц и крестьянок» [17, с. 5]. Благодаря совместным усилиям властей и общественности в 1928 году на Дальнем Востоке проблемами охраны материнства и младенчества занимались четыре Дома матери и ребенка, 42 женские консультации [6, с. 360]. В этом же году в Дальневосточном крае появились первые родильные дома, число которых к 1940 году достигло 40 [8, с. 124].

О внимании властей к проблемам родильных домов свидетельствуют исторические документы. Например, в 1936 году на заседании президиума Приморского областного исполнительного комитета в феврале был рассмотрен вопрос о конкурсе на лучший родильный дом и родильную хату в области, в июле — о социалистическом соревновании на лучшую постановку всех видов родильной помощи на селе [1, л. 17, 56]. Упорядочение этой работы осуществлялось на основе положений о колхозном родильном доме и об акушерском пункте, которые утвердил Наркомздрав СССР в 1938 году [13, с. 214].

Таким образом, законодательные и ведомственные акты способствовали улучшению охраны здоровья матери и ребенка, а в целом — воспроизводству населения.

Коммунизации семейного быта и вовлечению женщин в общественное производство содействовала массированная идеологическая работа среди населения, осуществляемая партийными и советскими органами на местах. Например, в начале 1925 года только в Амурской губернии действовали 192 избы-читальни, в которых сельчане прослушали 456

докладов и 478 бесед по вопросам советской политики. В 696 массовых мероприятиях были задействованы 125 тыс. человек [11, с. 177].

В регионе развивалась сеть клубов, ставших центрами культурной и общественной жизни в деревнях. С 1924 по 1929 год их количество увеличилось почти в 5 раз (с 32 до 146) [9, с. 89].

Политико-просветительской работой среди сельских жителей активно занимались Дома крестьянина, где сельчане получали помощь и консультацию в хозяйственных вопросах, в агрономическом деле. В этих учреждениях работали библиотеки, справочные отделы, где была сосредоточена нужная информация, например о рыночных ценах на различные товары и др.

О темпах культурного строительства на селе можно судить по официальной статистике. Только за 1929/30 год в селах Дальнего Востока были открыты 35 колхозных клубов, 1000 красных уголков, 500 детских площадок и комнат [4, л. 73].

Подъем культурного уровня был нереальным в условиях безграмотности населения. В 1923–1924 годах в школах для малограмотных и в специальных пунктах уже учились грамоте около 5,5 тыс. дальневосточников [31, с. 69]. О результатах борьбы с неграмотностью можно судить по такому факту: за 8 лет (1923–1931) количество неграмотных жителей региона сократилось с 62,5 до 35% [2, л. 92].

Грамотность населения возросла за счет поголовного привлечения детей к обучению в школах. Например, в 1931 году 95% детей посещали школьные заведения [15, л. 21]. Массовому привлечению детей к обучению способствовало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1930 года [27, с. 479], в котором были предусмотрены меры административной ответственности родителей за отказ посылать детей в школу.

Как отмечалось, советские органы власти прилагали большие усилия для разрушения патриархальных основ семьи. Руководствуясь этой целью, властные структуры особое внимание уделяли женщинам, которые были хранительницами семейной патриархальности. Политика государства в отношении женщин формировалась на основе главного постулата — женщина должна стать трудовым резервом в социалистическом производстве, которое преобразовывалось в результате индустриализации и коллективизации. С помощью экономических и идеологических методов органам власти удалось добиться определенных результатов в деле освобождения женщин из бытового плена и вовлечения их в производственную деятельность. Так, за четыре года (1928–1932) число дальневосточниц, занятых наемным трудом, увеличилось почти в восемь раз (с 25 810 до 200 570 чел.) [15, л. 104]. Общественным воспитанием детей занимались детские учреждения — сады, детские площадки. В 1932 году их соответственно насчитывалось 17 544 и 44 056 [3, л. 293].

Таким образом, очевидны значительные трансформации, которым был подвергнут институт семьи в первые десятилетия советской власти. Последствия этих трансформаций отечественным исследователям еще предстоит оценить.

Библиографический список

1. ГАПК. Ф. 25. Оп. 5. Д. 57.
2. ГАХК. Ф. 791. Оп. 2. Д. 3.
3. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1319.
4. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 504.
5. Дальневосточный край в цифрах. Хабаровск, 1929.
6. Два года работы Дальневосточного исполнительного краевого комитета. Хабаровск, 1929.
7. Известия Наркомтруда СССР. 1930. № 31/32.
8. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Хабаровского края до 1941 года. Хабаровск, 1941.
9. К 10-й Дальневосточной краевой партконференции. Хабаровск, 1930.
10. КЗОБСО РСФСР. М., 1949.
11. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. Владивосток, 1991.

-
-
12. Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925/1926 гг. Хабаровск, 1927.
  13. Охрана здоровья и права женщин в СССР: Сборник законодательных и ведомственных актов. М., 1947.
  14. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1722.
  15. Там же. Д. 574.
  16. Там же. Д. 648.
  17. Резолюция краевого совещания по охране материнства и младенчества 25–29 сентября 1928 года. Хабаровск, 1928.
  18. СЗ СССР. 1935. № 32.
  19. СЗ СССР. 1936. № 34.
  20. СЗ СССР. 1936. № 59.
  21. Собрание кодексов и уставов РСФСР с дополнениями и постановлениями Дальревкома. Ч. I. Чита, 1923.
  22. Собрание кодексов РСФСР. М., 1928.
  23. Советская юстиция. 1937. № 22.
  24. СУ РСФСР. 1920. № 9.
  25. СУ РСФСР. 1926. № 13.
  26. СУ РСФСР. 1928. № 64.
  27. СУ РСФСР. 1930. № 39.
  28. СУ РСФСР. 1932. № 19.
  29. СУ РСФСР. 1933. № 42.
  30. СУ РСФСР. 1936. № 9.
  31. Три года советского строительства в Дальневосточном крае. Хабаровск, 1926.